

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический Институт
Кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

подпись инициалы, фамилия
2017 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

41.03.05 Международные отношения

код и наименование специальности

«Трансформация внешней политики Турции в XXI веке»

тема работы

Руководитель _____ Сидорова Т.Ю.
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ Бернацкая Ю.Н.
подпись, дата инициалы, фамилия

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Основы внешнеполитической идеологии Турции в условиях меняющейся системы международных отношений.....	8
1.1. Развитие концепции «неоосманизма».....	8
1.2. Политика «ноль проблем с соседями»	15
Глава 2. Турция и страны Ближнего Востока: сотрудничество или соперничество?	21
2.1. Влияние событий «арабской весны» на отношения Турции и стран арабского мира	21
2.2. Проблемы и перспективы ирано-турецких отношений	27
Глава 3. Политика Турции на постсоветском пространстве.....	32
3.1 Турция как фактор развития этно-конфессиональной ситуации в странах СНГ.....	32
3.2 Кавказский регион как зона геополитического противостояния России и Турции.....	38
Заключение	43
Список использованных источников	45

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время Турции стремится повысить свой международный и региональный авторитет, используя выгодное геополитическое положение на стыке двух цивилизаций, стремится усилить влияние в глобальной политике. Внешняя политика Турции на протяжении последних лет базировалась на принципах концепции «стратегической глубины» и политики «ноль проблем с соседями». Однако волна революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке побудила турецкое руководство к серьезной корректировке политики в отношении государств региона и переходу от традиционной роли посредника между правящими режимами и оппозицией к поддержке – в ряде случаев – антиправительственных сил. Вместе с тем турецкое руководство прилагает усилия по распространению «турецкой модели» политического устройства в арабском мире и тюркоязычных странах Южного Кавказа и Центральной Азии. В целом Анкарой декларируется многовекторная внешняя политика, с такими приоритетами, как сохранение ведущей роли ООН и поддержание евроатлантической безопасности, а также сотрудничество с Западом при развитии партнерских отношений с Россией.

Актуальность исследования заключается в том, что на сегодняшний день турецкий фактор стал играть важную роль в международных отношениях, особенно в процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Еще недавно роль Турции как мирового и регионального игрока представлялась несущественной по причине внутренней нестабильности и отсутствия проработанной внешнеполитической стратегии. В настоящее время турецкое руководство придаёт особое значение внешнеполитической деятельности, апофеозом стремления к лидерству Турции стала доктрина экс-премьер министра Турецкой Республики Ахмета Давутоглу, которая подразумевает под собой связь внешней политики современной Турции с историческим наследием османов и её направленность на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий. Исследование представляется

актуальным, так как в отечественной историографии до сих пор нет монографий, посвященных исключительно данной теме. Поставленная проблема рассматривалась некоторыми отечественными учеными лишь в рамках какой-либо другой темы. Более того, международная обстановка развивается довольно стремительно, в особенности официальная позиция Турции касаясь ситуации на Ближнем Востоке, также за последний год российско-турецкие отношения претерпели существенные изменения.

Степень научной разработанности темы исследования: анализ, приведенный в трудах российских и зарубежных авторов, позволил обогатить научно-теоретическую часть исследования, сопоставить реалии развития внешнеполитической линии Турецкой Республики с устоявшимися в политической и исторической науке оценками и выводами.

В целом, представляется возможным разделить библиографию на четыре группы: документальные источники; теоретическая литература; работы российских авторов; публикации зарубежных исследователей. К первой группе можно отнести Конституцию Турецкой Республики, закон о создании и задачах Министерства иностранных дел Турецкой Республики, официальные заявления турецкого внешнеполитического ведомства, а также заявления президента Р. Эрдогана, министра иностранных дел М. Чавушоглу и премьер-министра А. Давутоглу. Для детального изучения выбранной темы были использованы интервью высокопоставленных лиц тюркских государств, а также новостные статьи, освещающие саммиты Тюркского Совета.

Общетеоретическим базисом исследования стала книга Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина», а также доктрина «ноль проблем с соседями». Теоретические аспекты неоосманизма содержат книги и статьи директора Центра востоковедных исследований В.А. Аваткова, ведущего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН. В.А. Надеина-Раевского, главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф.А. Лукьянова.

Из третьей группы необходимо, прежде всего, назвать научные работы доцента Института стран Азии и Африки МГУ П.В. Шлыкова, старшего научного сотрудника сектора Ближнего Востока Центра Азии и Ближнего Востока РИСИ И.А. Свистуновой, главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.И. Мирского, кандидата исторических наук С.М. Маркедонова, тюрколога А.В. Сулейманова.

Среди иностранных специалистов необходимо выделить книгу Алайзы Маркус «Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence», работу шведского журналиста Арона Лунда «Syrian Jihadism», статью «Turkey Let Militants from 83 Countries in Syria» иранского издательства Al-Alam, статью американского журналиста Марка Чемпиона «Turkish Incursion Could Prove Game Changer in Syrian War», работу руководителя кафедры международных отношений Ближневосточного технического университета Турции Хюсейн Багджи.

Объект исследования: система международных отношений на Ближнем Востоке, Кавказе и Балканах в контексте турецкого фактора.

Предмет исследования: теоретический и практический комплекс внешней политики Турции на современном этапе: внешнеполитические цели, и интересы.

Хронологическими рамками исследования является период с 2002 года до настоящего времени. Нижняя граница исследования обусловлена приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, который ознаменовал новый этап во внешней политике Турции.

Цель исследования: проанализировать деятельность Турецкой Республики в рамках концепции «ноль проблем с соседями» и идеологии неоосманства.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть основные положения концепции А. Давутоглу «Стратегическая глубина» и обосновать ее значение в формировании внешнеполитического курса Турции;
- 2) рассмотреть основной внешнеполитический принцип Партии справедливости и развития – «ноль проблем с соседями»;
- 3) дать оценку российско-турецким отношениям в контексте Нагорно-Карабахского конфликта;
- 4) изучить практические аспекты применения новых внешнеполитических принципов на примере отношений с Турцией с Арменией и Грецией, а также Ираном и Сирией.
- 5) рассмотреть культурно-религиозную деятельность Турции в тюркских государствах постсоветского пространства.

Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, совмещающий исторический и политологический анализ, позволяющие раскрыть эволюцию внешнеполитического курса Турции и проанализировать рассматриваемую проблематику в свете новых реалий современных международных отношений. Кроме того, был использован метод наблюдения, который позволяет получить важную информацию по проблемам международных отношений, а также метод ивент-анализа, в основе которого лежит отслеживание динамики событий на международной арене с целью определения главных тенденций развития политической ситуации в отдельных странах и в мире в целом, а также метод построения сценариев – в работе представлены три возможных сценария урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. При изучении официальных документов, выступлений политических деятелей и информационно-аналитических материалов применялся метод контент-анализа и сравнительный анализ.

Структура работы представлена введением, тремя главами, каждая из которых состоит из двух параграфов, заключением и списком использованных источников.

Глава 1 Основы внешнеполитической идеологии Турции в условиях меняющейся системы международных отношений

В данной главе рассматриваются изменения в концепции внешней политики Турецкой Республики, произошедшие за последнее десятилетие. Представлены практические и теоретические основы внешнеполитической деятельности Турции.

1.1 Развитие концепции «неоосманизма»

С окончанием «холодной войны» и эпохи биполярного противостояния произошла значительная трансформация внешней политики Турции. После распада СССР Турция стремилась заполнить вакуум, возникший по пределам собственных границ.

С приходом к власти умеренно исламской консервативной Партии справедливости и развития произошли существенные изменения, как во внешней, так и во внутренней политике Турции. Роль армии — как основного инструмента правительства и гаранта светского пути развития страны, была постепенно ослаблена, военные были выведены за пределы политического поля. Многие высокопоставленные военнослужащие были приговорены к тюремному заключению. Новая политическая элита своей целью объявила интеграцию в Евросоюз и демократизацию государственного управления. Как отмечает тюрколог Аватков В.А., за демократизацией скрывалось стремление умеренно исламских сил узурпировать власть и лишить военных возможности совершить очередной переворот [1]. Акцент на экономическое развитие и формирование нового имперского мышления способствовали росту популярности правящей партии. Именно эти факторы дали импульс развитию неоосманизма как неофициальной внешнеполитической доктрины Турецкой республики в начале XXI столетия.

С момента провозглашения Турецкой Республики руководство страны во внутренней и внешней политике руководствуется принципами первого президента Мустафы Кемала Ататюрка. В действующей Конституции

Турции прописано, что основной закон страны составлен «в соответствии с концепцией национализма, а также формами и принципами, провозглашенными основателем Республики Турции, бессмертным лидером и непревзойденным героем Ататюрком» [8]. В настоящее время деятельность Министерства иностранных дел Турции регламентирована законом о создании и задачах МИД, принятом 7 июля 2010 года. Одной из ключевых задач внешнеполитического ведомства является оказание поддержки устойчивому формированию и укреплению в регионе и в мире среды, которая бы способствовала справедливости и развитию [2]. В соответствии с данным документом Турция заявляет о себе как о державе, способной оказывать существенное влияние на современный миропорядок.

В 2009 году пост министра иностранных дел Турции занял Ахмет Давутоглу. Он в значительной мере способствовал развитию идеологии неоосманизма, которая нашла свое отражение в его работе «Стратегическая глубина». В своей концепции Давутоглу отмечает, что любое государство в своих внешнеполитических устремлениях руководствуется, прежде всего, геостратегическим положением и историческим наследием. С данной точки зрения положение Турции уникально: Турецкая Республика является и европейской и азиатской страной, а также ближневосточной и средиземноморской державой. Как отмечает политолог Лукьянов Ф.А., обладая комбинацией разных параметров, страна по определению не может быть периферией второстепенным членом ЕС, НАТО или просто частью Азии [4]. Давутоглу критикует подход Ататюрка к внешней политике, полагая, что первый президент Турецкой Республики отказался от имперского величия Турции и проводил достаточно пассивную внешнюю политику. С 1923 года Турция уделяла незначительное внимание странам, бывшим некогда колониями Османской империи. По мнению Давутоглу, Турция должна перестать быть связующим звеном между Европой и Азией, так как роль «евразийского моста», была навязана ей западными странами. Главным тезисом «Стратегической глубины» является утверждение, что

внешняя политика Турции несбалансированна. Она в большей степени ориентирована на Запад и при этом не отвечает интересам Турции в других регионах, особенно на Ближнем Востоке. Ахмет Давутоглу указывает четыре принципа, на которых базируется неоосманизм, а именно, принцип крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови применим, прежде всего, к тюркским народам [4]. Принцип почвы связан с османским прошлым, от которого отказался Ататюрк, но который восприняли новые лидеры Турции. С перечисленными идейными основами тесно связано стремление турецкого руководства развивать новое османское мышление, которое вывело бы Турцию на уровень надрегионального лидерства [1]. Сверхзадачей неоосманизма является превращение Турции не в региональную, а в мировую державу, используя ее географическое положение, историю и дипломатический опыт. В своей монографии Давутоглу отмечает, что османское наследие Турции накладывает на нее груз геокультурной и геополитической ответственности и требует от нее повторного формирования идентичности турецкого стратегического мышления [3]. Таким образом, в соответствии с новой концепцией внешней политики Турция – центральная страна, расположенная в сердце Евразии и имеющая множественную идентичность. Этот фактор диктует ей многовекторную внешнюю политику, не предусматривающую привилегированных отношений с отдельными государствами. Более того, Турция должна обеспечивать не только внутреннюю безопасность, но и поддерживать миропорядок в соседних регионах.

Важно отметить, что история неоосманизма уходит корнями во времена Османской империи, с которой современное турецкое руководство не желает утрачивать связь. Османизм как доктрина зародился в середине XIX века, когда в Османской империи возникла тайная политическая организация «Общество новых османов», которая своей целью провозгласила укрепление власти путем утверждения конституционных принципов и создания единой османской нации [5]. Однако в действительности османизм

привел к гонениям на нетурецкие народы, прежде всего, на армян и балканские народы. Эти задачи реализовались проведением политики «зулюма», которая получила свое развитие в период правления Абдул-Хамида II. Все поданные империи независимо от их вероисповедания и этнической принадлежности, должны были идентифицироваться как единая «османская нация». По мнению исследователя пантюркизма и неосманизма Надеина-Раевского В.В., в настоящее время в Турции османизм ассоциируется с борьбой за собственное величие, за свою «имперскость» и может быть использован как составная часть обновленного сознания нового турецкого человека, за формирование которого ратуют многие турецкие идеологи и политики [6].

В 1985 году английский исследователь Дэвид Бэрчард ввел термин «новый османизм», определяя стратегию внешней политики Турции как новое понимание национальной и геополитической идентичности. Кандидат политических наук Аватков А.В. дает следующее определение неоосманизму: «неофициальная внешнеполитическая доктрина Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [1]. Основными элементами неоосманизма являются неопантюркизм, панисламизм, турецкое евразийство, а также взаимодействие с государствами Ближнего Востока, Азии и Северной Африки. Неопантюркизм подразумевает интеграцию тюркских государств исходя из их этнической, языковой и религиозной близости, с применением, прежде всего гуманитарных методов и методов экономического воздействия. Понятие «пантюркизм» тесно связано с пантуранизмом. «Туран» — историческая общность тюркских народов от Байкала до Балкан. Идея Великого Турана призывает турок всячески поддерживать тюркские народы в рамках этого пространства. Пантюркское движение получило развитие и в Российской империи, в 1843 году в Казани было создано движение «Джадид», идеологом которого стал крымский татарин Исмаил Гаспринский.

Он выступал за консолидацию всех тюркских народов России, организовал выпуск газеты «Терджуман», благодаря которой идея тюркского единства начала распространяться по территории Российской империи. Гаспринский также указывал на необходимость создания единого тюркского языка на основе очищенного от арабских заимствований турецкого, однако данная инициатива не получила распространения.

В начале XX столетия пантюркизм получил свое развитие в Турции и как внешнеполитическая доктрина оформился в 1908 году. Идеи национальной идентичности тюркских народов были изложены в программе младотурецкой партии «Единение и прогресс». Идеологом пантюркизма стал турецкий политический деятель Зия Гёкальп, свои идеи он изложил в работе «Основы тюркизма». Он сформулировал основные принципы идеологии и политики начального этапа развития Турецкой Республики – национализм, вестернизация, этатизм [7]. Для Турции пантюркизм мог стать удобным инструментом для продвижения своего влияния на Восток. Однако Мустафа Кемаль Ататюрк не утвердил пантюркизм в качестве основы внешней политики, так как с 1918 года находился в стратегическом партнерстве с Советской Россией. В тоже время пантюркизм получил поддержку в турецком обществе и стал активно использоваться во внутренней политике Турции. Как внутривнутриполитическая доктрина, пантюркизм представлял собой систему идеологических концепций и взглядов, нацеленных на укрепление цивилизационной сущности тюркской идентичности [7]. В рамках этой концепции, гражданство было законодательно отождествлено с этничностью, и все жители страны были объявлены турками, все языки, кроме турецкого, были запрещены, система просвещения базировалась на воспитании духа турецкого национального единства. Таким образом, внутривнутриполитический пантюркизм был противопоставлен не соседним государствам, а национальным меньшинствам Турецкой республики.

После распада СССР был дан новый виток тюркской этнической солидарности. Начало этому процессу положили визиты министра

иностранных дел и премьер-министра Турции в новообразованные тюркоязычные государства. В 1993 году была создана организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства. Следовательно, в 1990-е годы пантюркизм приобретает новое качество, что позволяет говорить о его трансформации в неопантюркизм.

Однако возрождение идей пантюркизма не означало, что эта идейно-политическая доктрина стала доминирующей. Серьезную конкуренцию неопантюркизму составляет неосманизм. Поэтому целесообразным представляется рассмотреть неопантюркизм в сравнении с неосманизмом и проанализировать степень влияния данных доктрин на внешнеполитический курс Турецкой Республики. Обе идеологические платформы формировались под влиянием ностальгии о великом имперском прошлом. В отличие от неопантюркизма, в основе которого лежат постулаты об объединении народов по их этнической принадлежности к тюркам, приверженности исламу, общности языка и исторической культуры [7]. Неосманизм, в свою очередь, предполагает трансформацию данных постулатов, а также некоторые нововведения в области внешней политики. Для воплощения идей неосманизма Турция должна проводить активную экономическую политику и использовать дипломатические методы для повышения своего статуса на международной арене, и в тоже время избегать прямой конфронтации с великими державами. Более того, Турции необходимо распространять свое влияние на страны постосманского пространства посредством «мягкой» силы. Неопантюркизм во внешнеполитической деятельности преследует несколько иные цели. Из данной концепции следует, что Турция призвана под своей эгидой объединить тюркские народы, вследствие чего она сможет обрести статус региональной державы. Ориентируясь на Кавказ и Центральную Азию, Турция сможет играть руководящую среди тюркских государств. Интеграция со странами Кавказско-Каспийского региона открывает Турции доступ к новым источникам сырья, а также к рынкам сбыта своей продукции, дешевой рабочей силе и объединению

демографического потенциала через развитие общетюркской литературы, истории и политики. Очевидно, что неопантюркизм имеет большой идеологический потенциал, сложность заключается в методах его использования. Неопантюркистскую идеологию можно рассматривать как удобную платформу для заполнения вакуума на постсоветском пространстве, в отличие от неоосманизма, который служит идеологическим обоснованием поликультурного общества. Из чего можно заключить, что неопантюркизм является логическим продолжением неоосманизма

Таким образом, активизация Турции на международной арене под руководством Партии справедливости и развития открыла для этого государства ряд перспектив. Благодаря новой внешнеполитической идеологии, разработанной Ахметом Давутоглу, была предпринята попытка сформировать новую нацидентичность за счет применения методов гуманитарного и экономического воздействия. В настоящее время Турция позиционирует себя не только как правопреемницу Османской империи, но и как влиятельное государство, которое стремится усилить свое влияние в глобальной политике. По мнению политолога Г.И. Мирского, «Процветающая, набирающая силу Турция уверенным шагом вступает на ближневосточную арену, завоевывая все больше симпатий в первую очередь благодаря тому, что ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные. Включившись в борьбу за региональную гегемонию, Турция намерена стать региональным тяжеловесом» [9].

1.2 Политика «ноль проблем с соседями»

Отличительной чертой современной турецкой внешней политики является наличие проработанной концептуальной основы. Архитектором нового внешнеполитического курса Турции считается Ахмет Давутоглу, который стал идейным вдохновителем доктрины «ноль проблем с соседями», принятой Министерством иностранных дел Турецкой Республики в 2008 году. Политика «ноль проблем с соседями» предполагает обеспечение безопасности государства посредством мирного урегулирования споров и отказ от восприятия текущих внешнеполитических конфликтов как непосредственных угроз безопасности Турции. Давутоглу заявил, что «государство, которое постоянно конфликтует со своими соседями, не может выстроить свой внешнеполитический курс на региональном и глобальном уровнях. Комплексный план мирного урегулирования и развитие экономических и культурных отношений позволят преодолеть все конфликты с соседями» [10]. В процессе реализации политики «ноль проблем с соседями» предполагается использование таких механизмов внешней политики, как переговоры, дипломатическое и торгово-экономическое сотрудничество.

Ахмет Давутоглу разработал принципы модернизации внешней политики. Первый принцип заключается в идеалистическом подходе к внешнеполитическим проблемам. Примером такого подхода является особое видение Турции Ближнего Востока, которое не ограничивается лишь борьбой против курдского сепаратизма. Турция рассматривает данный регион как сферу своих интересов и стремится быть вовлеченной в ближневосточные процессы. Это проявляется в попытках Турции быть посредником между Сирией и Израилем и достигнуть разрешения палестинского вопроса, Турция участвует в переговорах по иранской ядерной программе и совместно с РФ борется с терроризмом на Ближнем Востоке. Второй принцип предполагает проведение последовательной внешней политики. Подход Турции к

регионам, входящим в сферу интересов распространения неоосманизма – Балканам, Закавказью, Центральной Азии и Северной Африки аналогичен видению Ближнего Востока. Третий принцип характеризуется выработкой новой дипломатической стратегии, которая должна способствовать распространению турецкого влияния в регионе. Оставаясь могущественной военной державой, Турция не создает угрозы соседним государствам, ставя приоритетом социально-экономическое сотрудничество. Для достижения этой цели отношения с соседними государствами строятся на принципах «безопасности для всех», «политического диалога на высоком уровне», «экономической взаимозависимости», а также «культурной гармонии и взаимоуважения» [14].

Следует рассмотреть практическое применение политики «ноль проблем с соседями» в двусторонних отношениях Турции с соседними государствами. В конце XX столетия отношения Турции с соседними государствами, некогда входившими в состав Османской империей, а именно, Арменией, Грецией и Кипром переживали кризис. За последние десять лет Турция предприняла ряд мер для нормализации отношений с данными странами, предпосылкой к такому сближению стали неудачи Турции в сфере европейской интеграции.

Турецко-армянские отношения – одно из главных направлений нового внешнеполитического курса. Выстраиванию успешного двустороннего диалога препятствует ряд противоречий, а именно, вопрос о признании геноцида армян в Османской империи, отказ Армении ратифицировать Карсский договор, а также поддержка Турцией Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте. С приходом к власти Партии справедливости и развития начался диалог Турции с Арменией. В 2005 году Реджеп Эрдоган выступил с инициативой создать комиссию армянских и турецких историков для обсуждения вопроса геноцида, рассматривая этот шаг как новый способ урегулирования двусторонних отношений [12]. Однако президент Армении Роберт Кочарян заявил, что развитие двусторонних отношений — дело

правительств, а не историков, и предложил нормализацию отношений между двумя странами без каких-либо предусловий [13]. Подписанные в 2009 году протоколы о нормализации отношений не были ратифицированы, так как турецкая сторона заявила о возможности ратификации только после урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Дипломатические отношения между странами до сих пор не установлены. Вследствие закрытой турецко-армянской границы, отсутствия автомобильного и железнодорожного сообщения торгово-экономическое сотрудничество между странами практически отсутствует. Вышеперечисленные факторы являются отражением сложных и глубинных политических обстоятельств. Безусловно, признание геноцида армян является главным камнем преткновения в двусторонних отношениях. Армянская диаспора по всему миру занимается реализацией национальной программы по международному признанию факта гонений армянского этноса в Османской Империи, в настоящее время 31 государство признает преступления против армян в Османской империи геноцидом [17]. Однако ряд экспертов полагает, что стремление возложить ответственность Османской империи за данную трагедию на современную Турцию несправедливо. По мнению израильского специалиста-тюрколога Ави Рубина, Османская империя и Турция – это совершенно разные государства, с различной политической системой. Это похоже на то, как Австрия будет нести ответственность за политику Австро-Венгерской монархии [18]. Таким образом, в ближайшей перспективе двусторонние отношения не будут урегулированы в силу принципиально разных подходов Турции и Армении к историческим событиям и позициям по Нагорно-Карабахскому вопросу. Стоит отметить, что Россия как основной внешнеполитический игрок в Закавказье заинтересована в урегулировании турецко-армянских отношений. Россия играла важную роль в размораживании отношений между Арменией и Турцией в активной фазе этого процесса – в 2007-2009 годы. Результатом общих усилий стало подписание в 2009 году в Цюрихе протоколов «Об установлении

дипломатических отношений» и «О развитии отношений» между двумя странами. Однако позднее процесс нормализации остановился. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил, что Москва приветствует, чтобы армяно-турецкий участок внешней границы ЕАЭС был открыт для свободного перемещения людей, товаров и услуг [16].

К 2010 году греко-турецкие отношения характеризовались интенсификацией межгосударственных контактов. Попытки снизить остроту исторических противоречий продолжились в 2011 году. В своей статье «Новая парадигма турецко-греческих отношений в меняющейся стратегической обстановке» А. Давутоглу предложил отказаться от ряда устоявшихся стереотипов взаимного восприятия. К данным стереотипам относится восприятие двух стран в качестве форпостов Востока и Запада, ислама и христианства, что привело к противопоставлению двух народов друг другу в процессе создания национальных государств [11]. По мнению Давутоглу, Турция и Греция – ключевые государства, расположенные на пересечении Балканского и Ближневосточного регионов. В связи с этим Давутоглу определил основы новой парадигмы турецко-греческих отношений, которая включает в себя следующие положения: общее понимание истории ради будущего; межконфессиональный диалог; новое понимание «соседства»: достижение максимального уровня сотрудничества; урегулирование нерешенных проблем в Эгейском море [11]. На сегодняшний день вопрос об использовании энергетических ресурсов Эгейского моря может привести к открытому столкновению между Турцией и Грецией. Согласно позиции Греции, Эгейское море и относящийся к нему морской регион простираются до острова Стронгили, в то время как Турция полагает, что Эгейский регион заканчивается в районе острова Родоса [15]. Однако Греция не заключала договоров по разграничению своей исключительной экономической зоны ни с одним из соседних государств. До настоящего времени этот вопрос не урегулирован и существенно осложняет двусторонние отношения. Вопрос принадлежности Кипра по-прежнему

остаётся одним из острых противоречий двусторонних отношений Турции и Греции. Турецкая Республика Северного Кипра признаётся лишь Турцией, Греция продолжает настаивать на воссоединении Кипра. В 2004 году мирное соглашение по Кипру, разработанное ООН, было отвергнуто на референдуме греков-киприотов, в то время как турки-киприоты поддержали мирный план. В 2017 году на переговорах в Швейцарии стороны не смогли прийти к единой позиции в вопросе территориального урегулирования, который бы проложил путь к завершающей стадии переговоров. Ещё одним дестабилизирующим фактором греко-турецких отношений является нарушение Турцией воздушного пространства Греции. Подобные инциденты между Турцией и Грецией происходят регулярно на протяжении многих лет. В 2016 году турецкие истребители несколько раз нарушали воздушное пространство Греции. В результате чего Министерство обороны Греции привело вооружённые силы в полную боевую готовность. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу объяснил постоянные нарушения воздушного пространства Греции «правовыми различиями». Таким образом, в течение последних десятилетий в отношениях двух стран наметилось стремление к мирному сотрудничеству. Тесная кооперация в экономической, культурной, туристической областях, способна заложить основу для последующего мирного сосуществования двух стран. Тем не менее, осуществляемая кооперация пока не способна повлиять на различие государственных оценок в историческом споре Афин и Анкары по Эгейскому морю и кипрскому конфликту.

Очевидно, что новый внешнеполитический курс Турции не только не привёл к стабилизации отношений с соседями, но и достиг конфликтного пика во взаимодействии с ними. В соответствии с официальной позицией турецкого руководства, основной причиной краха внешней политики является непринятие соседними странами миролюбивого курса Турции, это происходило из-за негибкой позиции руководства соседних стран. В то же время некоторые турецкие политологи, среди которых Хюсейн Багджи,

считают, что Турция менее чем за десять лет превратилась в «страну-отшельницу», а политика «ноль проблем с соседями» превратилась в положение, когда «проблемы имеются практически со всеми соседями» [19]. Престиж страны опустился ниже того уровня, каким он был в 1923 году в момент образования Турецкой республики. Большинство российских политологов полагают, что выбранный турецким руководством внешнеполитический курс не привел к поставленным целям. По мнению Владимира Аваткова, миролюбивая концепция «ноль проблем с соседями» переросла в наступательную активную доктрину, которая подразумевала воздействие на соседей. В турецкой прессе даже возникла такая метафора: «Ноль соседей — ноль проблем» [20].

Подводя итог, стоит отметить что, идеология Ахмета Давутоглу внесла существенный вклад в активизацию и расширение внешней политики Турции за последнее десятилетие. Заслуга Давутоглу состоит в том, что он кардинально изменил подход турецкого государства к своей внешней политике. Принцип «ноль проблем с соседями» отражает ориентацию на максимальное сотрудничество с соседними государствами. Однако итог такой политики парадоксален: многие политологи приходят к мнению, что на сегодняшний день у Турции практически не осталось соседей, отношения с которыми можно было бы назвать однозначно положительными. Нерешенными остаются территориальные споры с Грецией и напряженность в отношениях с Арменией. Большинство политологов полагают, что Давутоглу, провозгласив амбициозный курс, не смог его точно просчитать и переоценил возможности страны. И вскоре цель полного отсутствия проблем с соседями была трансформирована в иную плоскость – как справедливо отмечает исследователь процессов на Ближнем Востоке В.А. Аватков, Турция стала выполнять не только роль посредника в переговорах, но и приняла на себя мирорегулирующую надрегиональную функцию [1]. В то же время возврат к прежней внешнеполитической идентичности невозможен, так как геополитическая обстановка претерпела значительные изменения.

Глава 2 Турция и страны Ближнего Востока: сотрудничество или соперничество?

В данной главе рассматриваются отношения Турции и арабских государств в рамках политического курса «ноль проблем с соседями». Особое внимание уделяется тому, как события «арабской весны» отразились на двустороннем сотрудничестве стран Ближнего Востока и Турции.

2.1 Влияние событий «арабской весны» на отношения Турции и стран арабского мира

События так называемой «арабской весны» не могли оставить сторонним наблюдателем Турецкую Республику. Провозгласив переход к многовекторной внешней политике, Турция начала активно действовать на ближневосточной арене. Провозглашенный Ахметом Давутоглу курс «ноль проблем с соседями» должен был укрепить позиции Анкары в арабском мире. Однако волна политических потрясений в государствах Ближнего Востока, начавшаяся в 2010 году, поставила под сомнение оправданность выбранного внешнеполитического курса.

По мнению эксперта Российского совета по международным делам П.В. Шлыкова, в долгосрочной перспективе «арабская весна» могла восприниматься Турцией позитивно, – так как с точки зрения открытости режима и уровня развития демократии «турецкая модель» выглядит более привлекательно по сравнению с политическими системами Ирана или Саудовской Аравии, также претендующих на лидерство в регионе [21]. Однако непредсказуемость развития событий требует от Анкары постоянной корректировки внешней политики, эффективность которой оказалась весьма низкой.

Как полагает тюрколог И.А. Свистунова, турецкое руководство продолжает исходить из того, что следствием «арабской весны» станет трансформация не только политических режимов, но и региональной

подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке [27]. Ближневосточное турне Реджепа Эрдогана в сентябре 2011 года включало в себя посещение «постреволюционных» Египта, Туниса и Ливии и стало своего рода «программным заявлением» Турции, стремящейся утвердиться на ведущих позициях на Ближнем Востоке. В ходе турне Эрдоган пообещал арабским демократиям выполнять функции «советника» в процессе экономических и социально-политических преобразований, таким образом, Турция обозначила видение собственной роли на Ближнем Востоке. Однако с другой стороны, по мнению заместителя председателя турецкого Центра международных и стратегических исследований Дж. Явуза, политика «ноль проблем с соседями» провалилась, и Турция начала приобретать врагов в лице соседей [28]. Политические круги на Ближнем Востоке начали обвинять Анкару во вмешательстве во внутренние дела других государств. Причинами таких заявлений стали не только сирийские события, а также речь Р. Эрдогана в Каире, направленная на популяризацию турецкого опыта построения светского демократического государства в мусульманской стране.

Нынешнее состояние и перспективы развития турецко-израильских отношений нельзя рассматривать вне контекста внешнеполитической стратегии Турции. Стране предстоит сделать выбор: либо она останется «мягкой силой», которая придерживается политики «ноль проблем с соседями», сохраняя контакты с Израилем, либо становится «жесткой силой» с традиционной для исламских стран негативной проекцией на отношения с Израилем. В настоящий момент Турция и Израиль продолжают обмениваться официальными заявлениями о неготовности к взаимным уступкам. Турция осознает, что конфликт с Израилем, связанный с захватом корабля «Мави Мармара», серьезно ограничивает возможность Анкары играть активную роль в мирном процессе на Ближнем Востоке. Также у сторон были разногласия по поводу разрешения иранской ядерной проблемы, так как Турция выступала против силового разрешения.

Серьезным испытанием для внешнеполитического курса Турции стал конфликт в Сирии. Стоит отметить, что отношения между Анкарой и Дамаском всегда характеризовались определенной степенью напряженности. В 1998 году Турция даже поставила вопрос о возможном нарушении сирийского суверенитета из-за нахождения на территории Сирии лидера РПК Абдуллы Оджалана, после чего Дамаск был вынужден выслать из страны Оджалана, который затем был пойман турецкими спецслужбами [23]. В период с 2004 по 2010 годы Партия справедливости и развития, ориентируясь на курс «ноль проблем с соседями», отказалась от конфликтно-обусловленных отношений с Сирией в пользу сотрудничества. Этот период характеризуется интенсификацией сотрудничества между Анкарой и Дамаском. Однако к 2011 году сирийские политические круги стали выражать своё несогласие с интеграционными проектами, предложенными Турцией, вследствие чего Турция кардинально изменила свою политику в отношении Сирии. Как отмечает исследователь М.Э. Бостанов, Р. Эрдоган намеренно пошел на дестабилизацию отношений с Сирией, так как Сирия, не обещающая политических изменений, утратила для Турции экономическую привлекательность [24]. С начала сирийского кризиса турецкое руководство выступало за отставку Башара Асада. Затем Турция стала поддерживать сирийские оппозиционные группировки, некоторые из которых в процессе радикализации стали салафитско-джихадистскими. Переориентация Турции на сирийские вооруженные формирования согласно официальной позиции объяснялась, во-первых, тем, что дипломатические инициативы не дали результатов, а во-вторых, государства Ближнего Востока, а именно Саудовская Аравия и Катар, уже активно поставляли оружие повстанцам. Новая стратегия должна была поставить под контроль тех, кто получал оружие, чтобы предотвратить усиление радикальных джихадистских групп в Сирии. В 2012 году Турция разорвала дипломатические отношения с Сирией. На сегодняшний момент против режима Б. Асада сражаются около 130 тысяч иностранных боевиков [25]. Большинство из них проникло в Сирию из

Иордании, Ливана и Турции. Турецкая граница выступает главными воротами для снабжения сирийских ополченцев. В интервью иранскому каналу Al-Alam заместитель министра иностранных дел Сирии Ф. Микдад подверг критике зарубежных сторонников сирийского восстания, заявив, что вместо помощи сирийскому народу США, Турция и Саудовская Аравия поставляют им оружие для продолжения войны [26].

Война, приведшая к разрушению институтов государственности Сирии поставила Турцию перед рядом серьезных вызовов. Прямым следствием гуманитарной катастрофы в Сирии стал поток беженцев – по состоянию на 2017 год количество сирийских мигрантов на территории Турции составляет 3,2 миллиона человек [22]. Проблема беженцев требуют от Турции огромных материальных затрат. На настоящий момент Турция потратила уже более 5 миллиардов долларов. Лишь одна десятая из этой суммы была компенсирована ЕС в рамках миграционного соглашения, поскольку Турция не достигла окончательной договоренности с руководством ЕС относительно контроля над выделяемыми средствами.

Однако основную угрозу для Турции представляет курдский сепаратизм, который получил новый импульс от сирийских курдов, объявивших о создании автономии на севере страны, на границе с Турцией. Анкара воспринимает любые региональные тенденции, связанные с усилением курдских политических групп, как потенциальную угрозу национальной безопасности. В ответ на сепаратистскую угрозу Анкара развернула активную кампанию по уничтожению курдских боевиков на своей территории. Главный приоритет Анкары – не допустить появления автономного курдского политического образования на Севере Сирии и Ирака, поскольку эти территории могут быть использованы РПК для дестабилизации ситуации на Юго-Востоке страны, где проживает курдское население. В августе 2016 года Турецкая Республика начала операцию «Щит Евфрата» против «Исламского государства» (террористическая группировка, запрещенная на территории РФ) и курдских отрядов на территории Сирии.

Целью операции было заявлено создание буферной зоны, свободной от враждебных Турции группировок. В результате турецкая армия взяла города Джераблус и Эль-Баб, находящиеся на севере Сирии. Жёсткая позиция Турции по отношению к курдским отрядам приводит к разногласиям с членами НАТО, в частности к напряжению в американо-турецких отношениях. Если противоречия по курдскому вопросу между Турцией и США усугубятся, Анкара может закрыть для американских военных авиабазу Инджирлик, расположенную в турецкой провинции Адана. Вице-премьер Турции Нуман Куртулмуш заявил, что страна не станет участвовать в штурме сирийской Ракки, занятой сейчас «Исламским государством» (террористическая группировка, запрещённая на территории РФ), если к операции будут привлечены курдские отряды [29]. Также необходимо отметить реакцию Москвы на военное вторжение Турции в Сирию. поприветствовав борьбу с терроризмом, МИД РФ отметил, что успех операции напрямую зависит от согласованности действий с Дамаском. На данный момент только военное присутствие Ирана и России в Сирии легитимно, поскольку эти страны заручились согласием официальных властей. По мнению российской стороны, важно, чтобы в борьбе с режимом Б. Асада страны не вооружали и не финансировали противоборствующие группировки радикального исламистского толка [30].

Таким образом, волна политических потрясений на Ближнем Востоке открыла для Турции ряд перспектив для регионального лидерства. Однако сирийский кризис стал дестабилизирующим фактором для отношений Турции с США и ЕС, а также привел к внутривластной нестабильности, а именно обострению курдского вопроса и потоку мигрантов. На примере войны в Сирии становится очевидно, что Турция в реализации в политике «ноль проблем с соседями» последовательно перешла от дипломатического давления к открытой поддержке сирийских повстанцев. На сегодняшний день Турция не обладает достаточным экономическим потенциалом и политическим влиянием, чтобы занять ведущие позиции на Ближнем

Востоке. Роль Турции в стратегических планах США подвергается существенной корректировке. США расширяют свое геополитическое присутствие на Ближнем Востоке, соответственно, ослабевают позиции Турции. Также следует отметить усиление позиций России в ближневосточном регионе, к тому же на фоне постепенного выхода Ирана из международной изоляции, шансы Турции на региональное лидерство, возможно упущены.

2.2 Проблемы и перспективы ирано-турецких отношений

В настоящее время Исламская Республика Иран претендует на роль лидера исламского мира, стремление Ирана стать самой могущественной державой региона стало отчетливо проявляться после Исламской революции 1979 года. Однако в последнее время Иран пребывает в состоянии защиты своей государственной системы от внешних факторов, иранское руководство активно выступает против любого иностранного присутствия в регионе, а именно расширения военного присутствия США на Ближнем Востоке. Ввиду данного фактора Иран создал боеспособные вооружённые силы для защиты своих национальных интересов. Благодаря экономическому потенциалу, военной мощи и независимой внешней политике Иран становится одной из ведущих держав ближневосточного региона. В тоже время Турция как важный актер на ближневосточной арене не заинтересована в усилении Ирана, именно поэтому отношения между двумя ведущими региональными державами представляют собой сложный баланс элементов соперничества и сотрудничества. Основными факторами устанавливающими текущие отношения и влияющими на дальнейшие перспективы сотрудничества являются курдский вопрос, оценка событий «арабской весны», а именно ситуация в Сирии, а также ядерная программа Ирана.

В числе факторов соперничества необходимо, прежде всего, отметить курдский вопрос, который существенно дестабилизировал турецко-иранские отношения с начала 1980-х годов. Иран пытался использовать РПК против Турции, которую оценивал как соперника и союзника Запада. Однако вторжение США в Ирак в 2003 году стало переломным моментом, сквозь призму которого нужно рассматривать региональную политику Анкары и Тегерана. Во-первых, обе страны выступили против американского вторжения, так как опасались, что это ограничит их возможности в традиционной зоне влияния. Во-вторых, Турция и Иран полагали, что США поддержат курдских сепаратистов в северном Ираке, и вторжение изменит

баланс суннитско-шиитских сил в регионе. Вследствие чего иранское руководство стало рассматривать Турцию как государство, с которым можно сотрудничать в рамках борьбы с курдским сепаратизмом. В настоящее время Иран и Турция ведут борьбу с курдскими группировками на своей территории, более того Турция ведёт борьбу с сирийскими курдами. Как отмечает аналитик Кавказского центра международных отношений и стратегических исследований Назим Джафарсой, в рамках этих условий фактор угрозы курдского сепаратизма сыграл положительную роль в отношениях Турции с Ираном [31]. Из чего следует, что в ближайшей перспективе Турция и Иран будут прилагать совместные усилия, чтобы не допустить создания курдского государства вблизи своих границ.

Однако «арабская весна» положила конец стратегическому союзу Анкары и Тегерана. Сирийский конфликт и то, что Турция и Иран заняли противоположные позиции в нем, разрушили сотрудничество между двумя региональными державами. Если Турция рассматривала конфликт как возможность усилить свое региональное влияние, то Иран видел в восстании против режима Башара Асада серьезную угрозу. Для иранского руководства Сирия была буферной зоной, отделяющей его от разрушительных последствий «арабской весны» [28]. На начальном этапе конфликта Турция избегала прямого вмешательства во внутренние дела Сирии. Иран же использовал силы своих союзников, таких как «Хезболла», а позднее направил свои военные силы для поддержки режима Б. Асада. Однако в 2016 году Турция начала сухопутную операцию в Сирии, как полагает американский аналитик Марк Чэмпин, начало турецкой операции является отражением ее отказа от требования об отставке Башара Асада в результате политического соглашения [32]. В целом подходы Турции и Ирана к событиям «арабской весны» определяются принципиальными различиями в политических моделях. Турция демонстрирует успешный пример управления светским государством партией исламского толка, а Иран считает исламское правление оптимальной формой демократизации мусульманского общества.

Предметом расхождений является и идеологическое определение сути «арабской весны»: Анкара рассматривает народные движения как процесс перехода от деспотических режимов к демократии, а Тегеран расценивает эти движения как исламскую революцию [28].

Следующим противоречием двусторонних отношений является ядерная программа Ирана, которая рассматривается Анкарой как угроза стабильности турецкому политическому режиму. Турецкая правящая элита выступает исключительно за дипломатическое урегулирование данной проблемы. Однако в позиции Анкары отчетливо прослеживается нежелание относительно возможного завладения Ираном ядерным оружием. По мнению кандидата политических наук А.В. Сулейманова, появление на границах, ядерной державы имело бы деструктивные последствия для стабильности политической системы Турции, активизировало бы деятельность радикальных исламских объединений и организаций этнических меньшинств, поставило бы вопрос о территориальной целостности страны [33]. Иранская ядерная программа косвенно указывает на наличие между странами геополитического соперничества. Несомненно, возможное получение Ираном ядерного оружия повлечет за собой изменение баланса сил не только на Ближнем Востоке, но и в мире в целом. Поэтому желание Турции урегулировать данный вопрос исключительно дипломатическими методами вызвано преследованием своих собственных интересов, связанных с геополитическим сдерживанием Ирана.

Для более детального анализа ирано-турецких отношений следует рассмотреть позиции сторон по арабо-израильскому конфликту. На протяжении многих лет у Турции и Ирана были отличные подходы к процессу урегулирования данного конфликта. С 1990-х годов Турция и Израиль значительно укрепили двусторонние экономические связи, включая увеличение объёмов торговли и инвестиционных потоков, а также проводили совместные военные учения, что не могло не вызвать осуждение со стороны арабских государств. В то время как Иран, начиная с Исламской революции

1979 года, выступал за уничтожение государства Израиль. Как заявил экс-президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, «Израиль – это гнилое дерево, которое рухнет при первой же буре. Так или иначе, режим сионистов обречен на уничтожение, а палестинские территории будут вскоре освобождены» [34]. Однако, начиная с 2008 года, стороны стали высказывать схожие мнения относительно палестинского вопроса. Это было связано, прежде всего, с началом операции Израиля в Секторе Газа в конце декабря 2008 года, а также с нападением 31 мая 2010 года израильских военных на корабль «Флотилии Свобода», перевозивший гуманитарную помощь для палестинцев, в ходе нападения были убиты девять человек. Турция в связи с инцидентом отозвала своего посла из Израиля и отменила совместные военные учения. С осуждением израильской агрессии выступило большинство государств-членов ООН, включая Российскую Федерацию. ХАМАС призвало мусульман пикетировать израильские посольства по всему миру. МИД Турецкой Республики заявил, что бесчеловечная акция израильтян являлась вопиющим нарушением основ международного права и могла иметь непоправимые последствия для отношений двух стран. Таким образом, и Турция, и Иран занимают пропалестинскую позицию в арабо-израильском конфликте, однако Турция не желает окончательно прекращать стратегическое сотрудничество с Израилем, в то время как Иран призывает к открытой конфронтации с еврейским государством.

Подводя итог можно отметить, что динамика турецко-иранских отношений весьма противоречива и в ближайшей перспективе речи о стратегическом партнерстве между Анкарой и Тегераном не идет. Несмотря на попытки Турции войти в более доверительные отношения с Ираном, этого пока не происходит. Основными противоречиями двусторонних отношений являются вопросы разрешения сирийского конфликта и иранская ядерная программа. Тегеран опасается, что усиление Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке будет означать ослабление иранских позиций. На постсоветском пространстве, где мусульмане преимущественно

представлены суннитским течением, у Ирана нет преимуществ. Единственная шиитская республика СНГ – Азербайджан следует светскому пути развития и ориентируется на этнически родственную Турцию, а не на Иран. Поэтому на Южном Кавказе для Ирана единственным партнером остается Армения, однако Армения рассматривает Российскую Федерацию как своего главного союзника, так как именно Россия является основным инвестором в армянскую экономику и оказывает поддержку в Нагорно-Карабахском конфликте. Но в тоже время соперничество Анкары и Тегерана в ближне-средневосточном ракурсе будет иметь разнонаправленный характер: интересы Турции будут больше смещены к Ближнему Востоку и Северной Африке, для Ирана же не менее актуальным остается афгано-пакистанское направление, а также зона Персидского залива.

Глава 3. Политика Турции на постсоветском пространстве

В данной главе рассматриваются ключевые направления внешнеполитической деятельности Турции на постсоветском пространстве, в особенности в тюркоязычных государствах и субъектах РФ с коренными тюркскими этносами. Для исследования особый интерес представляет развитие турецким правительством идеи «Великого Турана» и её реализации в рамках пространства СНГ. Регион Южного Кавказа рассматривается как арена столкновения интересов Российской Федерации и Турции. Также освещаются позиции Москвы и Анкары по урегулированию Нагорно-Карабахской проблемы, а также посреднические усилия России для разрешения конфликта.

3.1 Турция как фактор развития этно-конфессиональной ситуации в странах СНГ

После распада СССР Турция стремилась заполнить вакуум, образовавшийся на российских южных границах. Ослабление России, а также культурная близость с тюркскими народами дали основание Турции объявить себя покровителем тюркских государств. Турция главным образом была заинтересована в формировании новой подсистемы международных отношений – тюркского мира. В 1992 году президент Турции Тургут Озал выдвинул тезис – «Тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены», провозгласив XXI столетие «веком турок» [35]. Турецкое руководство начало усиливать культурное и экономическое влияние на тюркские народы, проживающие в иностранных государствах, а также осуществлять экспансию в российские регионы компактного проживания тюркского населения. В этот период некоторые субъекты начали позиционировать себя как независимые

государства, одним из таких регионов стала республика Татарстан, которая после принятия декларации о государственном суверенитете 30 декабря 1990 года и проведения референдума о признании Татарстана, начала выстраивать собственную внешнюю политику [36]. Одним из первых государств, которое проявило интерес к Татарстану, была Турция. В 1990-е годы Татарстан стал центром исламского возрождения в Поволжье. Поэтому одним из направлений турецкой политики стала религиозная экспансия в умму Татарстана, которая осуществлялась двумя путями. Во-первых, путем заключения официальных договоров между Духовным управлением мусульман республики Татарстан и Управлением по делам религии Турции. Во-вторых, через сеть джааматов – исламских религиозных братств, которые направляли своих миссионеров в Татарстан. Это привело к тому, что часть мусульман Татарстана стала ориентироваться на Турцию и духовно подчиняться турецким шейхам. Турция выступала в роли «старшего брата» Татарстана, а религиозная сфера сотрудничества рассматривалась как один из факторов сближения двух тюркских республик. Джамааты были открыты в некоторых регионах России по инициативе движения «Хизмет». Формально лицеи сохраняли светский характер, однако среди части учеников велась скрытая религиозная агитация. В начале 2000х годов деятельность лицеев стала вызывать обеспокоенность российского руководства и к 2003 году лицеи были закрыты во всех регионах кроме Татарстана, где закрытию противились местные власти. В 2007 году началась проверка лицеев Генеральной Прокуратурой РФ, в ходе которой были выявлены многочисленные нарушения, и педагоги-турки были депортированы. В настоящее время учебные заведения продолжают функционировать, но преподавателями являются представители татарского этноса и деятельность лицеев осуществляется в соответствии с законодательством РФ. Важно отметить, что инфраструктура влияния Турции на Татарстан видоизменилась. Если в период перестройки Турция укрепляла свои позиции в Поволжье с помощью инструментов «мягкой силы» через различные формы

гуманитарного воздействия, то на сегодняшний день сотрудничество носит в основном торгово-экономический характер в рамках полномочий субъекта РФ. По состоянию на 2015 год на территории республики Татарстан действует 280 турецких предприятий, по объёму капиталовложений в Татарстан Турция занимает первое место, что составляет 26% от всего потока иностранных инвестиций [37]. Также следует отметить, охлаждение российско-турецких отношений после событий 24 ноября 2015 года, наиболее болезненно воспринималось в Татарстане, часть региональной элиты Татарстана представила замораживание отношений с Турцией как волюнтаризм Москвы.

Турецкая экспансия также распространяется и на республику Крым, около 11% населения которой, относят себя к крымским татарам. Крымские татары имеют тесные исторические, религиозные и этнические связи с Турцией. После вхождения Крыма в состав Российской Федерацией лидеры Меджлиса крымско-татарского народа Рефат Чубаров и Мустафа Джемилев выступили против воссоединения, руководители Меджлиса открыто призывали к разжиганию межнациональной розни. В 2016 году Верховный суд Крыма признал Меджлис крымско-татарского народа экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории РФ. На решение Суда незамедлительно последовала реакция Внешнеполитического ведомства Турции. Турецкий МИД назвал решение суда о запрете Меджлиса последним шагом, который направлен против единства и целостности крымских татар. «Крымских татар снова пытаются запугать. Мы с сожалением воспринимаем и осуждаем это решение, которое является еще одним проявлением систематического, массового давления на основные права и свободы жителей полуострова. Турция продолжит поддерживать законную борьбу крымскотатарского народа и усилия по устранению таких давлений» [38]. Основанием для вынесения такого решения суда стал факт сотрудничества руководителей Меджлиса с такими террористическими организациями как «Серые волки» и «Хизб ут-Тахрир».

Таким образом, Турция, воспользовавшись сложной политической ситуацией после распада СССР, начала поддерживать сепаратистские настроения в тюркоязычных регионах России. В первую очередь, используя инструменты «мягкой силы», а именно религиозную и культурную экспансию. А также скрыто поддерживать деятельность террористических организаций, придерживающихся идеи создания «Великого Турана».

Для выстраивания тесных связей с новыми независимыми тюркскими государствами — Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Туркменистаном турецкое руководство выработало пути формирования надтурецкой идентичности. Для этого Турция создала различные интеграционные проекты — культурные, образовательные, экономические, а также политические. Такие интеграционные объединения должны способствовать объединению тюрков, а также поддерживать интересы Анкары. На государственном уровне одним из механизмов укрепления связей между Турцией и республиками Кавказа и Центральной Азии стали регулярные саммиты тюркских государств. На сегодняшний день было проведено девять саммитов. По мнению экс-президента Турции Абдуллы Гюля, саммиты являются платформой солидарности и обмена мнениями как по вопросам отношений между тюркскими странами, так и по глобальным проблемам [39]. Также сформированы механизмы многостороннего сотрудничества, а именно, в Астане была создана Тюркская академия, в Баку — Фонд тюркской культуры и наследия. Как отмечает президент Фонда тюркской культуры и наследия Гюнай Эфендиева, «стратегические отношения между тюркоязычными странами, созданные и развивающиеся в последние десятилетия, создают благоприятную основу для дальнейшего расширения сотрудничества между братскими странами» [40]. В 2009 году на саммите в Нахичевани по инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева была создана новая институциональная структура тюркского сотрудничества — Совет сотрудничества тюркских государств. В компетенцию ССТС входят вопросы экономики, энергетики, культуры и

образования. Главным геополитическим достижением ССТС в транспортной сфере является заключение соглашений между министерствами транспорта при подготовке и пуске в эксплуатацию железнодорожной магистрали из Турции в Грузию и Азербайджан к Каспийскому морю в Казахстан и Китай. В 2014 году по результатам IV саммита ССТС была подписана декларация «Тюркский совет – современный Шёлковый путь», которая является одним из этапов реализации проекта «Шёлковый путь», ставящего своей целью обеспечение связи между европейскими и азиатскими рынками. В проекте также участвуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Однако, несмотря на усилия Турции по развитию экономического сотрудничества с Центральной Азией, его нельзя сравнить по значимости с экономическим влиянием Китая и России в регионе. В тюркоязычных странах постсоветского пространства при содействии Турции открыты культурные центры, реализовываются образовательные программы для студентов, позволяющие проходить обучение в университетах Турции. Республики Центральной Азии присоединились к Организации экономического сотрудничества, созданной Турцией, Ираном и Пакистаном. Однако Организация носит скорее характер политического форума, нежели межрегиональной экономической структуры, так как большинство поставленных целей не были реализованы, среди которых создание зоны свободной торговли к 2015 году, а также упрощение некоторых таможенных и налоговых пошлин. Также Турция стремится оказывать влияние, делая акцент на единстве этнического происхождения и культуры. Но Турции не удалось в полной мере реализовать задуманную стратегию продвижения «мягкой силы». Во-первых, это обусловлено нежеланием некоторых государств признавать Турцию в качестве покровителя тюркских народов. Например, в Узбекистане наблюдается тенденция сдерживания «мягкой силы» Турции. За последние два года на территории Узбекистана были арестованы 54 турецких предпринимателя, прекращена деятельность 50 турецких бизнес-организаций [41]. Власти Узбекистана опасаются, что

турецкие лица насаждают протюркские и религиозные идеи, которые могут поставить под угрозу светский режим. Во-вторых, в этнополитических конфликтах на Кавказе Анкара не смогла выполнить роль арбитра, способного оказать реальное влияние на конфликтующие стороны и предпринять эффективные дипломатические меры. До настоящего времени не установлены дипломатические отношения между Ереваном и Анкарой, закрыта армяно-турецкая граница. Отношения между государствами до сих пор осложнены вопросом признания геноцида армян и отказом Армении ратифицировать Карсский договор.

Таким образом, политика «мягкой силы» приобрела ключевое значение для реализации приоритетов внешнеполитической деятельности Турции. Изначально политика «мягкой силы» формировалась на основании исторической, культурной и языковой общности стран постсоветского пространства, но Турция не ограничилась лишь данными направлениями, она стала активно развивать экономические связи, проводить политику по содействию развитию стран, входящих в сферу ее геополитического влияния. Однако открытые действия Анкары на постсоветском пространстве могут стать причиной нестабильности в регионе, особенно на Южном Кавказе, который расценивается как сфера турецкого и российского геополитического влияния.

3.2 Кавказский регион как зона геополитического противостояния России и Турции

Стремление Турции занять ведущие позиции на Южном Кавказе весьма негативно сказывается на двусторонних отношениях с Российской Федерацией. Соперничество Москвы и Анкары в Закавказье длится на протяжении нескольких столетий, – показательным является ситуация с конфликтом в Нагорном Карабахе. В настоящее время Россия и Турция заинтересованы в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, однако позиции и инструменты урегулирования сторон весьма отличаются.

Нагорно-Карабахский конфликт является одним из дестабилизирующих факторов на территории Южного Кавказа. Конфликт, имеющий давние исторические корни, достиг своей эскалации в 1988 году, когда в НКАО и Армении прошли митинги с требованием присоединения НКАО к Армении. Конфликт привел к масштабным военным действиям за контроль над Нагорным Карабахом. Первая посредническая инициатива по урегулированию конфликта принадлежит России. В 1994 году при содействии российской стороны был подписан Бишкекский протокол о прекращении огня, с этого момента Россия консолидировала свои усилия с ОБСЕ как один из председателей Минской группы. На сегодняшний день роль России в урегулировании конфликта остается ведущей, Москва призывает стороны к мирному урегулированию, поддерживая стабильные отношения и с Баку, и с Ереваном.

На сегодняшний день Армения остается основным союзником России в Закавказье, в г. Гюмри расположена единственная в регионе российская военная база. С 1992 года Армения и РФ состоят в Договоре о коллективной безопасности, который предполагает содействие стран-участниц в случае иностранной агрессии со стороны третьих государств. Более того, Россия является основным инвестором в армянскую экономику, доля РФ во внешнеторговом обороте республики составляет более 25%. В то же время

для России важное стратегическое положение имеет Азербайджан как связующее звено между Кавказом и Центральной Азией через Каспийское море и Ближним Востоком через общую границу с Ираном. Более того, Азербайджан проявляет заинтересованность в межкультурных и научных контактах с Россией. В республике функционируют более 300 школ, где занятия ведутся на русском языке для 80 тысяч учащихся [42].

В Нагорно-Карабахском конфликте Россия пытается сохранить статус-кво и не допустить начала военных действий. РФ является сопредседателем Минской группы ОБСЕ, обеспечивающей переговорный процесс между конфликтующими сторонами и выработку окончательной формулы урегулирования. В 2008–2011 годы при содействии Москвы были проведены переговоры в трехстороннем формате Россия–Армения–Азербайджан. Вместе с тем Азербайджан не поддерживает российскую позицию по урегулированию конфликта. Суть, которой заключается в балансировании между интересами Баку и позицией Еревана. Военно-политическая кооперация России с Арменией вызывает беспокойство Баку, так как Армения – единственная страна Южного Кавказа, входящая в ОДКБ. Но, несмотря на стратегический союз с Арменией, Россия осуществляет военно-техническое сотрудничество с Азербайджаном. В 2010–2012 годы было заключено несколько контрактов на поставку вооружений из России в Азербайджан [43]. Таким образом, свою роль в мирном процессе по Нагорному Карабаху Москва рассматривает как инструмент сохранения влияния в Закавказье.

Интересы Турции в Закавказье напрямую связаны с Азербайджаном и его геополитическими позициями в регионе, включая этнические и культурные связи, общее историческое наследие, доступ к природным ресурсам вокруг Каспийского моря. Между Азербайджаном и Турцией сформировались тесные отношения, основанные на принципе невмешательства во внутреннюю политику друг друга. Турция поддерживает территориальную целостность Азербайджана и осуждает действия Армении

в Нагорном Карабахе. Азербайджан, в свою очередь, выступает в качестве защитника интересов Турции в регионе, поддерживает ее в вопросе армянского геноцида, а также выполняет основную функцию по координации ее связей с Центральной Азией. Позиция Турции по Нагорно-Карабахскому конфликту однозначна. По заявлению президента Турции Р. Эрдогана, «Карабах вернется в один прекрасный день к Азербайджану» [44].

На начальном этапе конфликта Турция занимала выжидательную позицию. Более активно интересоваться конфликтом между Арменией и Азербайджаном Турция стала после распада СССР. На вооруженном этапе противостояния Турция и Азербайджан пытались представить конфликт как противостояние между «тюркскими братьями» и армянами, стараясь заручиться поддержкой тюркоязычных государств. Турция присоединилась к экономической блокаде Армении. Несмотря на усилия Анкары, на первом саммите глав тюркоязычных государств лидеры государств Центральной Азии отказались от плана экономической блокады Армении. Вследствие разных подходов к решению карабахской проблемы второй тюркский саммит в Баку не состоялся. Для расширения антиармянской позиции среди исламских стран Турция использовала фактор исламской солидарности, что, проявилось в выработке проазербайджанской позиции на сессиях Организации исламской конференции. В 1992 году ОИК приняла первую резолюцию с осуждением захвата Арменией азербайджанских территорий и выразила поддержку Азербайджану в его борьбе против агрессии Армении.

Турецкое присутствие в карабахской войне проявилось как в виде предоставления вооружений, так и в непосредственном участии турецких военных в боевых действиях. Как правило, эта помощь предоставлялась по каналам неправительственных организаций и спецслужб. Но в итоге Турция воздержалась от прямого вовлечения в конфликт, такое решение было обусловлено рядом причин. Во-первых, Турция – член НАТО, поэтому все действия турецких вооруженных сил вне границ Турции должны быть согласованы с высшим руководством Североатлантического Альянса. Во-

вторых, против вмешательства Турции в конфликт выступили США и РФ. Это могло привести к введению санкций со стороны США, в частности, введением эмбарго на поставки вооружений и предоставление финансовой помощи, как это было после турецкого вторжения и аннексии Северного Кипра в 1974 году. В-третьих, в случае военной агрессии против Армении, Турция рисковала усложнить отношения с ЕС. В-четвертых, важным сдерживающим элементом стал курдский фактор. Обострившееся в 1990е годы турецко-курдское противостояние, привело к мобилизации турецких вооруженных сил, действующих на востоке страны против курдских боевиков РПК. В случае вооружённой агрессии против Армении турецкая армия вынуждена была бы вести боевые операции на двух фронтах.

Учитывая факты турецкого вмешательства в Карабахский конфликт, очевидно, что Турция открыто поддерживает Азербайджан. По заявлению министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу, «Турция сделает все возможное, чтобы оккупированные территории Азербайджана были освобождены» [45]. Таким образом, турецкое участие в конфликте выражалось следующим образом: угроза военного вторжения, экономическая и транспортная блокада Армении, а также предоставление военной помощи Азербайджану.

Обострение российско-турецких отношений после в ноябре 2015 года существенно отразилось на динамике Нагорно-Карабахского кризиса. В данной ситуации возможными представляются три сценария. Первый – это сохранение статус-кво. Россия, не разрешив проблемы в Сирии и Украине, не станет нарушать статус-кво в Нагорном Карабахе. Развитие ситуации по негативному сценарию поставит под вопрос перспективы евразийских объединений, таких как ОДКБ и ЕАЭС. Так как среди участников интеграционных проектов отсутствует консенсус по поводу военно-политической поддержки Армении, а также резко противопоставит интересы Москвы и Баку. Турция в своих действиях по обострению ситуации в Карабахе ограничена фактором Запада. На сегодняшний день непризнанная

Нагорно-Карабахская Республика получает незначительное финансирование из бюджета США. В случае открытого военного вовлечения Анкары в конфликт армянское лобби в Конгрессе США может предпринять меры, что приведет к напряженности в американо-турецких отношениях [46].

Второй сценарий – негативный – предполагает активизацию военных действий и возможное перерастание отдельных столкновений в полномасштабное противостояние с участием России и Турции. Развитие событий по такому алгоритму возможно в случае утраты контроля над ситуацией на линиях соприкосновения противоборствующих сторон [46]. Опасность состоит в том, что Россия и Турция не смогут сохранить статус-кво. От реализации негативного сценария и внутривнутриполитической дестабилизации удерживает сильная вертикаль власти, как в Армении, так и в Азербайджане.

Третий сценарий – достижение компромисса и улучшение отношений – в краткосрочной перспективе представляется маловероятным, так как сегодняшняя конфронтация осложняется событиями на Ближнем Востоке. Возможно, успех перемирия и мирного процесса в Сирии сможет стабилизировать российско-турецкие отношения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что регион Южного Кавказа является одним из ключевых направлений внешней политики Турецкой республики. Однако Турция не является единственной державой, заинтересованной в укреплении своих позиций в Закавказье, Российская Федерация традиционно оказывает значительное геополитическое влияние на государства региона. Основной проблемой, дестабилизирующей регион, является Нагорно-Карабахский конфликт, и если Россия призывает к мирному урегулированию и применению дипломатических методов, то действия Турции скорее направлены на подстрекательство Азербайджана к агрессивным действиям по отношению к Армении. Таким образом, в ближайшее время на южнокавказском направлении Турция не сможет оставаться лидером в силу укрепления позиций России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

В соответствии с новой внешнеполитической концепцией, разработанной Партией справедливости и развития, Турция позиционирует себя как покровительницу тюркских народов и одну из ведущих держав, способную оказывать влияние на современный миропорядок. Турецкое руководство особенно заинтересовано в укреплении своих позиций на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. Идеологом нового внешнеполитического курса стал Ахмет Давутоглу, который в своей работе «Стратегическая глубина» исходит из того, что значение любой страны в мировой политике определяется совокупностью параметров ее национальной силы, прежде всего геостратегическим положением и историческим наследием. Турция, с точки зрения Давутоглу, уникальна благодаря местоположению на стыке Европы и Азии и могущества, унаследованного от Османской империи. Современная Турция балансирует между Западом и Востоком, турецкий подход предполагает разрушение стереотипов восприятия страны на международной арене, строится на идее возвращения себе исторической ключевой роли в близлежащих регионах.

В постсоветских государствах турецкое правительство активно использует инструменты «мягкой силы» – формирование лобби в тюркских государствах через использование экономических, образовательных и культурных инструментов. В ближневосточном регионе Турция стремилась укрепить свои позиции, используя «арабскую весну». При этом Анкара пошла на обострение отношений с Израилем, что значительно повысило авторитет Турции среди исламских государств. В настоящее время Турция применяет силовые методы на Ближнем Востоке, пытаясь конкурировать с Российской Федерацией и Ираном. Однако вмешательство в сирийский конфликт не принесло ожидаемых результатов, а лишь дестабилизировало

обстановку внутри Турции, что привело к обострению курдского вопроса, неконтролируемому потоку беженцев и внутривнутриполитической напряжённости.

Внешнеполитическая идеология Турции на современном этапе переживает очередную трансформацию. Очевидно, что идея турецкого покровительства над тюркскими народами не реализована в полной мере. Прежде всего, это обусловлено разнонаправленной политикой государств, а также ведущей ролью Российской Федерации на постсоветском пространстве.

В соответствии с проведенным анализом, российско-турецкие отношения характеризуются динамической стабильностью с неуклонным повышением конкуренции, которая проецируется на традиционную арену геополитического противостояния двух держав – Закавказье и Центральную Азию. По ряду вопросов у России и Турции кардинально разные позиции, а именно разрешение Нагорно-Карабахского конфликта, а также пресечение Россией турецкой экспансии в некоторые субъекты РФ. Более того, курс «ноль проблем с соседями» оказался неспособным устранить напряжённость в отношениях с Арменией и устранить территориальные споры с Грецией.

Таким образом, на основании изложенного можно утверждать, что Турция стремится сохранить свое положение в глобальной иерархии держав, при этом повысив свой статус до уровня надрегиональной державы, способной единолично осуществлять региональное регулирование и играть роль лидера в нескольких сопредельных регионах. Вместе с тем следует признать, что для выхода на уровень мировой державы внешней политике современной Турции не хватает ресурсов, а также политической воли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аватков, В. А. Неосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции/ В. А. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71-78.
2. Закон о создании и задачах Министерства иностранных дел. 6004 sayılı Dışişleri Bakanlığı Teşkilât Kanunu. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mfa.gov.tr/mevzuat.tr.mfa.
3. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik/ A. Davutoğlu// Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul. Küre Yayınları. 2001. С 20.
4. Лукьянов, Ф. А. Стратегическая бездна. [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов// – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Strategicheskaya-bezdna-15706>.
5. Кудряшова, И. В. Турция: национальные интересы и имперскость/ И.В. Кудряшова // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С.31.
6. Надеин-Раевский В. А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции. [Электронный ресурс] / В.А. Надеин-Раевский// – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=739#top.
7. Бурашникова, А.Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции/А.Б. Бурашникова// Известия Саратовского университета. – 2013. – №13. – С.19.
8. Конституция Турецкой Республики от 7 ноября 1982 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://le.galns.com/download/books/cons/turkey.pdf>.
9. Мирский, Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке/ Г.И. Мирский// Азия и Африка в современной глобальной политике. – 2012. – №2. – С. 93.
10. Turkish foreign policy: from status quo to soft power // European stability Initiative. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.esiweb.org/pdf/esi_picture_story_-_turkish_foreign_policy_-_april_2009.pdf#page=5.

11. Davutoğlu Ahmet. A New Paradigm in Turkish-Greek Relations in the Changing Strategic Environment. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-inkathimerini-newspaper_-greece_-on-10-march-2011.en.mfa.
12. A Conversation with Ahmet Davutoglu // Council on Foreign Relations. 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cfr.org/turkey/conversation-ahmet-davutoglu/p21916#>
13. Minister Oskanian Comments on Turkish Foreign Minister Abdullah Gul's Recent Remarks. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
14. Маврина, Ю.В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу/ Ю.В. Маврина// Известия Саратовского университета. – 2014. – №1. – С. 72.
15. Продолжают обостряться отношения Греции и Турции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.agionoros.ru/docs/521.html>.
16. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова, опубликованное в армянском журнале «Regional Post - Caucasus». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.turkey.mid.ru/rus/news/042.html>.
17. Страны, признавшие геноцидом преступления против армян в 1915 году. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20160602/1442064802.html>.
18. Турецко-армянские отношения - забытая мелодия для флейты Сержа Саргсяна. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.1news.az/authors/oped/20090801052104537.html>.
19. Ноль проблем с соседями. Как Турция превратилась из «совести Ближнего Востока» в страну-отшельницу. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nol-problem-s-sosediyami-turtsiya>.

20. Турция: «Ноль соседей - ноль проблем». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newsinfo.ru/articles/2016-06-15/turky/779559/>.
21. Шлыков, П.В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны»/ П.В. Шлыков// Перспективы. – 2012. – №2. С. 27.
22. Более полумиллиона сирийских беженцев проживают в Стамбуле. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newsturk.ru/2017/03/02/bolee-polumilliona-siriyskih-bezhentsev-prozhivayut-v-stambule/>
23. Marcus A. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence. New York: New York University Press. – 2007.
24. Бостанов, М.Э. Глобализационные тенденции внешней политики Турецкой Республики в регионе Леванта : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Бостанов Магомед Энверович. – Пятигорск, 2014. – 140 с.
25. Lund A. Syrian Jihadism. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs. – 2012.
26. Turkey Let Militants from 83 Countries in Syria // Al-Alam. 2013. November 5. URL:<http://en.alalam.ir/news/1531534>.
27. Свистунова, И.А. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия/ И.А. Свистунова// Доклады РИСИ. – 2014. – №4. – С. 9-15.
28. Турция: новая роль в современном мире: ред. Е.М. Примаков. – Москва: ЦАС РАН, 2012. – 76 с.
29. Разлом по курдской линии: как разногласия Турции и США в Сирии раскалывают НАТО. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/372046-turciya-ssha-siriya-kurdy-nato>.
30. Военная интервенция Турции в Сирию. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8067#top-content.
31. Турецко-иранские отношения: соперничество или сотрудничество? – Часть I. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.1news.az/politics/20110327034727418.html>.

32. Turkish Incursion Could Prove Game Changer in Syrian War. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-24/turkish-incursion-could-prove-a-game-changer-in-syrian-civil-war>.
33. Сулейманов, А.В. Политика Турции в отношении Ирана: концептуальное обоснование, институциональная специфика и технология реализации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Сулейманов Алим Видадиевич. – Нижний Новгород, 2011. – 194 с.
34. Президент Ирана: Израиль - это гнилое дерево. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/15/04/2006/5703bbfc9a7947afa08c9c21>.
35. Аватков, В.А. Перекресток геополитических интересов России и Турции – Кавказ и Центральная Азия/ В.А. Аватков// Вестник МГИМО Университета. – 2009. – №6. – С. 15.
36. Егоров, В.К. Российско-турецкие отношения и фактор третьих сил // Турция в XX веке: сборник статей / В.К. Егоров. – Москва: Академия гуманитарных исследований, 2004. – С.153.
37. Сулейманов, Р.Р. Религиозная экспансия Турции в Татарстан в постсоветский период/ Р.Р. Сулейманов// Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2. – С. 40.
38. Турция назвала запрет Меджлиса попыткой запугивания крымских татар [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/04/27/7106918/>.
39. Союз тюркоязычных стран усилился Туркменистаном [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2014-06-06/7_turkmenistan.html.
40. Гюнай Эфендиева, президент Фонда тюркской культуры и наследия: «Мы открыты для новых проектов и инициатив» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.azerizv.az/news/a-20477.html>.

41. Уразова, Е. И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе / Е. И. Уразова // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий: сборник статей. – Москва: Просвещение, 2010. – С. 156-170.
42. Маркедонов, С.М. Россия–Азербайджан: противоречивое партнерство/ С.М. Маркедонов// Вестник МГИМО. – 2013. – № 6. – С. 9-12.
43. Турция считает себя единственным активным игроком Запада на Южном Кавказе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newsarmenia.am/news/politics/politics-20140321-43032934>.
44. Президент Турции поддержал Азербайджан в конфликте в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/world/prezident-turcii-podderzhal-azerbaydzhan-v-konflikte-v-nagornom-karabahe--705236.html>.
45. Турция изъявила намерение вмешаться в конфликт в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://polit.ru/news/2015/11/26/turkey_karabakh/.
46. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-turetckie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-Kavkazskogo-regiona-18188>.